УДК 340.113.1

ЯЗЫК ПРАВА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЛИНГВОСОЦИУМАХ

Шаронова Виктория Борисовна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: vsharon@list.ru

Аннотация
В статье говорится об отличительных особенностях языка права в русском и немецком лингвосоциумах. Отмечая высокую степень клишированности юридического языка, автор акцентирует внимание на языковых особенностях исходного языка, специфических конструкциях, присущих только им.

Ключевые понятия:
язык права, лингвосоциум, терминологизация, полисемия, клишированность, процессуальный акт.

Наряду с общеупотребительным языком существует множество профессиональных языков (подъязыков), ядром лексики каждого из которых является терминология, представляющая собой относительно замкнутую систему, состав которой определяется обслуживаемой сферой научной области. Язык права также состоит из терминов. Однако в нём, безусловно, используется немалое количество общепринятой, общеупотребительной лексики.

Язык права – важнейший элемент юридической техники, поскольку он связан непосредственно с выражением права. Вопросами языка и права занимается раздел науки, называемый в отечественной научной литературе «юридическая лингвистика», в немецкой – «Rechtslinguistik» («правовая лингвистика»).

Язык права представляет собой социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, вырабатываемых и применяемых в целях правового регулирования поведения участников общественных отношений. Слово в системе языка права адаптируется к потребностям точного и ясного изложения правовой информации [3].

Вопросы о языке права стали объектами исследований таких ученых, как: Т.М. Балыхина, В.А. Власенко, В.Д. Гольдинер, Д.А. Керимов, Я.С. Киселев, З.В.Макарова, А.В. Малько, С.П. Хижняк, В.И. Царев, А.Ф. Черданцев, М.Л. Шифман, Е.С. Шугрина, Т. Яцук и др.; U. Daum, W. Klein, W. Otto, D. Rainer, R. Wimmer и др.

Вокабуляр исследуемого языка обусловливает и объясняет наличие двух полярных точек зрения, сложившихся в научной среде по отношению к языку права. Одни исследователи считают, что язык права нельзя определить как специальный язык, поскольку он близок к общеупотребительному языку в области лексики [5; 6], другие выделяют язык права как профессиональный язык, т.е. как вариант общего языка для определения специфических предметов, понятий, который служит для коммуникации внутри одной профессиональной группы [7].

Полагаем, что отсутствие единой точки зрения действительно валидно. И в русском, и в немецком лингвосоциуме язык права включает термины как из словаря повседневной речи, так и из специализированных научных словарей. Рассмотрим на примерах:

1. §_1416 BGB. Gesamtgut

(1) Das Vermögen des Mannes und das Vermögen der Frau werden durch die Gütergemeinschaft gemeinschaftliches Vermögen beider Ehegatten (Gesamtgut).

Zu dem Gesamtgut gehört auch das Vermögen, das der Mann oder die Frau während der Gütergemeinschaft erwirbt.

(2) a) Die einzelnen Gegenstände werden gemeinschaftlich;

b)sie brauchen nicht durch Rechtsgeschäft übertragen zu werden.

2. К имуществу, нажитому во время брака, относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия и иные денежные выплаты, не имеющие специального назначения. Владение и пользование общим имуществом в период брака осуществляется по обоюдному согласию (брачный договор).

В приведённых выше примерах видно, что юридический текст построен на языке права, в котором повседневные термины употребляются в вопросах общей связи фактических ситуаций, в то время как правовые (научные) термины используются в презентации юридического содержания, для толкования юридических феноменов.

Доказано, что, определяя поведение людей и устанавливая условия решения споров, право должно иметь подробный и четко определенный словарь терминов, способствующий обеспечению высокой точности языка права.

Опираясь на классификацию научно-исследовательской группы по изучению языка права Берлинско-Бранденбургской академии наук, можно выделить следующие важнейшие области применения языка права в немецкой науке:

1. Коммуникация в суде.
2. Юридическая аргументация.
3. Судебная лингвистика.
4. Языковые нормы в праве.
5. Правовая сила языковых действий.
6. Критерии трактовки текстов.
7. Языковые требования к юридическим формулировкам, в частности, в связи с требованием понятности и однозначности [8, с. 22–24]. Полагаем, что подобные области распространяются на области применения языка права и в русском языке.

Среди особенностей немецкого юридического языка многие исследователи приводят следующие: использование выражений, в которых слова естественного языка используются в качестве юридических терминов – искусственная терминологизация слов: «die guten Sitten» (общепринятые моральные нормы); «niedrige Beweggründe» (низменные мотивы); «компактный стиль» (сложные номинальные группы, пассивные конструкции, исчезновение агенса, запутанные синтаксические конструкции и «непросматриваемые» сложноподчинённые предложения и др.). «Begehungsverbrechen» – формальное преступление); «Erfolgsverbrechen» – материальное преступление; «Affekthandlung» – действие в состоянии аффекта); «Ausländische Hochheitszeichen» – посягательство на герб иностранного государства; «Munzbetrug» – выпуск в обращение фальшивых денег; «Antragsrecht» – право на возбуждение уголовного преследования; «der Bundespräsident wird von der Volksversammlung gewählt» – Федеральный президент избирается народным собранием).

Юридическая манера изложения в русском языке права считается особенно формальной. Этот формализм проявляется в длинных многосложных предложениях, громоздких оборотах и специфической терминологии. В текстах используются клише, характерные для юридического языка: преступная группа, представитель защиты, совершить правонарушение, в материалах дела, собраны в судебном заседании, опровергается доказательствами. В языке права выделяется преобладание абсолютного настоящего времени глагола и пассивных конструкций, например: «Захват власти или превышения властных полномочий преследуются по федеральному закону».

Анализ литературы по проблеме позволяет утверждать, что в языке права в русском лингвосоциуме широко используются синтаксические способы образования терминов. Основная причина появления терминов, создаваемых из двух и более слов, – потребность выделить некое множество предметов из класса по какому-либо признаку, называемому видовым отличием. Например, термин «допрос» обозначает процессуальное действие, предназначенное для получения «личных» сведений. Для уточнения термина (чтобы избежать двусмысленности и неточности) образуются словосочетания, вносящие необходимые пояснения – «допрос подозреваемого», «допрос обвиняемого», «допрос подсудимого», «допрос потерпевшего», «допрос свидетеля», «допрос эксперта». Клише необходимы, так как обеспечивают точность языка права.

Юрист точно знает отличия между членами одного синонимического ряда, которые простому обывателю, носителю и пользователю общепринятым языком могут представлять идентичными и полностью совпадающими, такими, как «договор», «контракт», «соглашение», «сделка», между тем, что является «допустимым», «легальным», «действительным», «правовым», «законным», «легализованным», «узаконенным», «нормативным».

Подобная ситуация имеет место и в языке права в немецком лингвосоциуме, где, в зависимости от контекста, юрист различает смысловые тонкости членов синонимического ряда, например, «Vertrag» (m), «Pakt» (m), «Einigung», «Kontrakt», «Verabredung»,

«Verständigung», «Vertrag», «Übereinkommen», «Abrede», «Beschluß», «Entscheidung», «Vereinbarung».

В употреблении устойчивых словосочетаний можно наблюдать интересные явления, например, употребление некоторых многозначных слов в нескольких значениях. Так, «принятие» в словосочетании «принятие наследства» употребляется в первом значении: «действие по глаголу «принять»; в клише «принятие мер» оно выступает в переносном значении: «действовать определенным способом». Слово «меры», кстати, сочетается, как правило, с глаголом «принимать»; но в составе юридических терминов «меры воздействия», «меры поощрения», «меры пресечения» соединяется с глаголом «применять».

В юридическом немецком языке мы можем проследить также некоторые особенности многозначных слов. Так, например, многозначное существительное das Gericht выступает и в прямом и переносном значениях: vor Gericht aussagen – давать показания в суде, что означает нахождение в ограниченном месте присутствия. А вот клише vor Gericht stellen {übergeben} – предать суду, отдать под суд; vor Gericht ziehen – привлекать к суду выступают уже в переносном значении и обозначают определенные меры воздействия.

Стиль и структура языка процессуальных актов и в русском, и в немецком лингвосоциумах обладают определенными языковыми и стилистическими особенностями. Однако специальных рекомендаций стилистического характера с учетом профессионального использования слов не существует.

In der Verwaltungsstreitsache hat der Fachsenat des Bundesverwaltungsgerichts für Entscheidungen nach § 99 Abs. 2 VwGO am 26. August 2004 beschlossen: Die Beschwerde des Beklagten gegen den Beschluss des Thüringer Oberverwaltungsgerichts vom 27. März 2003 wird zurückgewiesen. Der Beklagte trägt die Kosten des Beschwerdeverfahrens. Der Streitwert wird für das Beschwerdeverfahren auf 4 000 € festgesetzt. (Bundesverwaltungsgericht BESCHLUSS BVerwG 20 F 16.03 Thüringer OVG – 27.03.2003 – AZ: OVG 10 SO 337/01).

В данном документе, например, язык процессуальных актов вобрал в себя специфические черты нескольких функциональных стилей (официально-делового, публицистического, разговорного и даже научного), и его языковой основой служат слова и обороты, клише разных языковых пластов.

Язык договоров по своему функциональному назначению может быть отнесен к одному из подстилей официально-делового стиля речи, основными стилевыми чертами которого являются: точность, не допускающая иного толкования, неличный характер, стандартизированность, стереотипность построения текста, долженствующий характер.

Заявленные требования мотивированы тем, что оспариваемое постановление вынесено незаконно и подлежит отмене. ФКУ Упрдор «Кубань» не является органом, уполномоченным утверждать результаты проведенной уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. В действиях Заявителя отсутствует состав вменяемого административного правонарушения (решение суда первой инстанции от 04 октября 2013 года. Дело № А40-49477/2013).

Приведённые в статье примеры русских и немецких юридических текстов, сформулированных языком права, вынуждают согласиться с утверждением «юридический язык – более точный и менее двусмысленный, чем общепринятый (естественный). Тем не менее, «зачастую тексты, написанные в стиле юридического языка, содержат настолько громоздкие и витиеватые конструкции, что они становятся еще более двусмысленными, нежели написанные общедоступным языком» [1, с. 53].

Приведённые тексты также демонстрируют, что в языке процессуальных актов имеет место и эмоциональное восприятие, и научная интерпретация одного и того же факта. Стилистические различия в языке процессуальных актов обусловлены тем, для чего и в каких конкретных условиях он используется.

Функция языка права состоит в том, чтобы с его помощью опосредовать в праве различные по своей природе отношения (экономические, политические, семейные и др.), донести до населения распоряжения органов государственной власти. Язык выражает связи между государственными органами, между последними и гражданами, а также между гражданами [4].

Значимость и незаменимость языка права заключается в том, что «выработанная веками терминология практически полностью исключает возможность неправильного толкования документов» [2, с. 67], что является исключительным требованием, предъявляемым к юридическому языку, так как юридическая терминология должна быть четкой, а формулировки не должны содержать неясности или двусмысленности.

В заключение отмечаем, что лексика законодателя и в русском, и в немецком лингвосоциуме терминирована, что связано с самой природой права. Следствием этого является использование языковых знаков преимущественно в их атрибутивно-номинативном значении. Полисемия, характерная для русского и немецкого языков, не имеет базы для своего существования в языке законодателя. Отличительной особенностью законодательной лексики в целом является ее общенациональный характер.

1. Власенко, Н.А. Основы теории юридических документов: курс лекций [Текст] / Н.А. Власенко, С.В. Стародубцев; Рос. академия правосудия. М.: РАП, 2006. 88 с.

2. Гамзатов, М.Г. Техника и специфика юридического перевода [Текст] / М.Г. Гамзатов. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2004. 184 с.

3. Шепелев, А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль [Текст] / А.Н. Шепелев: автореферат дис. канд. юридич. наук. Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; История правовых учений. Нижний Новгород, 2002. 23 с.

4. Щепалин, И.В. Специфика современного языка права. [Текст] / И.В. Щепалин // Вестник Карагандинского юридического института Министерства внутренних дел Республики Казахстан. 2004. Вып. 2 (10). С. 156–163.

5. Daum, U. Die Besonderheiten der Rechts und Verwaltungssprache / Daum U. Gerichts- und Behördenterminologie. München: Uni-Druck, 1994. S. 1–13.

6. Otto, W. Die Sprache als Verwaltungsmittel / Bayerische Verwaltungsblätter 24. München, 1978. S. 481–486.

7. Neumannn, U. Juristische Fachsprache und Umgangssprache / Rechtskultur als Sprachkultur.: Zur forensischer Funktion der Sprachsnalyse / Hrsg. Grewendorf G./- Fr. a. Main, 1992. S. 110–121.

8. Rainer, D.; Klein, W. Sprache des Rechts. Vermitteln, Verstehen, Verwechseln / Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Sprache des Rechts. Heft 118. 2000. S. 5–33.

References

1. Vlasenko N.A. O*snovy teorii juridicheskih dokumentov* [Fundamentals of legal documents]. Moscow, RAP, 2006, 88 p. (in Russian).

2. Gamzatov M.G. *Tehnika i specifika juridicheskogo perevoda* [Technique and specific character of legal translation]. St.Petersburg, Izd-vo, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004, 184 p. (in Russian).

3. Shepelev A.N. *Jazyk prava kak samostojatel'nyj funkcional'nyj stil'* [Legal language as an independent functional style]. Nizhny Novgorod, 2002, 23 p. (in Russian).

4. Shhepalin I.V. *Vestnik Karagandinskogo juridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Respubliki Kazahstan*, 2004, Edition 2 (10), pp. 156–163 (in Russian).

5. Daum U. Die *Besonderheiten der Rechts und Verwaltungssprache* [Peculiarities of legal language and language of public administration], Gerichts und Behördenterminologie (Legal terminology and terminology of government authorities). München, Uni-Druck, 1994, pp. I–13 (in German).

6. Otto W. *Bayerische Verwaltungsblätter, München,* 1978, pp. 481–486 (in German).

7. Neumannn U. *Juristische Fachsprache und Umgangssprache* [Legal terminology and colloquial speech], Rechtskultur als Sprachkultur: Zur forensischer Funktion der Sprachsnalyse (Legal culture as a language culture: to the lega function of a language analysis), Hrsg. Grewendorf G., Main, 1992. pp. 110–121 (in German).

8. Rainer D., *Klein W. Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Sprache des Rechts, Heft* 118, 2000, pp. 5–33 (in German).

UDC 340.113.1

LEGAL LANGUAGE IN RUSSIAN AND GERMAN LINGUISTIC SOCIETIES

Sharonova Viktoriya Borisovna,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Head of the Chair of Linguistics and Professional Communication, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vsharon@list.ru

Annotation
The article refers to the distinctive features of the Law Language in Russian and German linguistic societies. Noting the high degree of cliché character of law language, the author focuses on the linguistic features of the source language, specific structures that are unique to them.

Key concepts:
Law language,
linguistic society,
terminologization,
polysemy,
cliché character,
Procedure Act.